

Лёня Анкинович

Карательный отряд налетел в деревню Заболотье днём.

Отец и мать Лёни Анкиновича были дома, когда в дверь заколотили прикладами.

– Сынок, на чердак. Схоронись! – только и успел сказать отец.

Он посадил мальчика. Быстро задвинул доску на место, Лёня лёг на неё и стал прислушиваться.

Дверь сорвали с петель, и дом наполнился топотом сапог, криками...

– Партизаны! Выходи!..

Мать и отец стали собираться.

– Шнель! Скорей!

Лёня держался. Ему хотелось крикнуть, броситься на солдат. Но, стиснув зубы, мальчик лежал не шелохнувшись.

Послышались шаги отца, потом матери: они выходили из дома.

Кто-то из солдат разрядил автомат по стенам комнаты – зазвенели разбитые стёкла окон. До Лёни долетали ещё крики солдат, выстрелы – каратели переходили от дома к дому. Потом всё стихло.

Лёня осторожно поднял доску, выглянул: в комнате было пусто. Он спустился с чердака в комнату, вылез через окно на задний двор и пополз, озираясь, к лесу.

Лёня решил добраться до партизан. Где расположен лагерь, он не знал, но помнил разговор отца со связным из отряда: «В случае провала уходить к лесному озерцу. Там всегда дозор».

Мальчик всё больше углублялся в лес. Теперь можно уже не бояться, что его заметят.

До озерца было недалеко, как дорогу ему вдруг преградил человек с двустволкой в руках.

– Кто такой! Куда! – негромко спросил он.

– Из Заболотья, из деревни я, – оправившись от неожиданного окрика, сказал Лёня. – У нас там фашисты. Каратели. Отца и мамку арестовали. Анкинович я. Лёня. Левона Никифоровича сын...

В глазах мальчика была боль и тревога, испуг и просьба. Русые волосы выбились из-под кепчонки и вихром лежали на лбу. На вид ему можно было дать лет восемь.

«Неужели не поведёт в лагерь к партизанам! – думал мальчик. – Как же быть тогда! Куда деваться!»

– Георгий, – бросил кому-то в кустах человек с двустволкой, – останешься за старшего. Я отведу мальчонку в отряд.

Когда вошли в землянку, то первым, кого увидел Лёня, был Тимофей, молодой парень, связной. Мальчик узнал его – он не раз приходил к отцу.

Тимофей разговаривал с обступившими его партизанами. Лёня не мог уловить смысл разговора, до него долетали слова: «Горбово», «Дядя Костя приказал», «...должны вернуться»...

Выждав удобный момент, дозорный доложил:

– Товарищ адъютант! Мальчонку задержали. Из Заболотья, говорит. Каратели в деревне...

– Анкинович! – Тимофей смотрел на Лёню. – Что случилось!

Мальчик рассказал, сдерживая слёзы.

– Отведи его к Савельичу, – сказал Тимофей дозорному.

Дед Савелий, главный повар партизанского отряда, принял мальчика ласково. Накормил его пшённым кулешом, картофельными котлетами и налил большую кружку клюквенного киселя.

Лёня ел, слушал дедовы охи да ахи и молчал.

Когда мальчик поел, дед обстоятельно расспросил его про Заболотье. Потом дед повёл мальчика в землянку и показал ему на топчан, сказал:

– Будешь здесь располагаться. Рядом со мной. Согласен?

Лёня кивнул, но не сказал ни слова.

Вот уже целую неделю дед Савелий вёл с Лёней разговоры о том о сём, называл его ласково «внучонком» и кормил клюквенным киселём.

Лёня ждал Тимофея, но тот не приходил.

Кругом все к чему-то готовились: чистили винтовки, автоматы, грузили ящики на телеги...

«Куда они! – думал мальчик. – Что будет дальше!»

Дед Савелий всё чаще повторял про себя: «Горбово! Горбово! Что-то я боюсь за наших хлопцев. Пошли они в Горбово... Вернутся ли!»

– Это вы про кого, деда! Про разведчиков! Да!

– А тебе пошто! Какая твоя забота! Пей вот клюквенный кисель, да дровишек подтаскивай. Нам с тобой одна забота: чтоб все сыты были...

Лёне надоело слушать разговоры деда и пить кисель. Не для этого пришёл он в отряд. Дед же не знает, что он, Лёнька, ведь – уже выполнял разные задания, когда был в Заболотье. Много раз по просьбе отца носил донесения и в Оршу, в город. И ничего, справлялся. Страшновато было, правда, да зато задания были от «дяди Кости». И хоть Лёня ни разу не видел партизанского командира, но был уверен, что «дядя Костя» уж, конечно, знает про его папу и про него, про Лёньку.

Не арестовали бы каратели отца, не сидел бы Лёнька сейчас здесь, при кухне.

«Сидеть при деде Савелии и пить кисель! Не пойдёт такое дело...», – думал Лёнька.

У деда он всё-таки выведал, что трое партизан, посланные на разведку в Горбово, возвратились ни с чем. Обнаружили их фашисты. Одного товарища принесли разведчики на руках еле-еле живого – ранило разрывной пулей.

– Выживет ли! – вздыхал дед. – Лекарств хороших нет у нас. Бинтов и тех не хватает. Вот тебе и Горбово!.. Без разведки не ударишь... Надо знать, что где... на то и нужна разведка...

Напрасно дед Савелий ждал «внучонка» обедать. Зря ходил он по партизанскому лагерю. Мальчик исчез. И на все дедовы расспросы один был ответ: «Не видели», «Не знаем»...

А мальчик тем временем осторожно пробирался к Горбову. Он незаметно проскользнул мимо партизанских дозорных, вышел одному ему знакомыми тропинками к дороге, остановился, чтобы передохнуть.

Отчего это партизаны считают деревню Горбово опасной! Сколько километров уже он оттопал, а на пути не встретил ни одного вражеского солдата. На тропинках – ни души. На просёлочной дороге – тоже пустынно. И даже на большаке, мощённом булыжником, никого не видать.

Лёнька свернул с дороги к бугорку, поросшему сосняком. Надо было переобуться. Хрустнула ветка. Лёнька прижался к траве. Что это! Он еле слышно отполз в сторонку, затаился. Из-за бугорка между сосен показалась фигура, блеснула каска. Фашист! Откуда он появился!

Солдат настороженно глядел в его сторону. Лёнька не дышал.

«Видит или не видит!»

Постояв немного, немец повернулся и исчез так же незаметно, как и появился.

И тут Лёнька заметил чёрное отверстие. «Дот. Вот это спрятан! У самой дороги! А вон – второй!»

Теперь надо глядеть в оба.

Лёнька подхватил ботинок и поспешил скрыться, пока его не обнаружили немцы.

Осторожно, переходя от кустарника к кустарнику, мальчик двигался к Горбову, всё время присматриваясь к бугоркам: не встретится ли опять дот!

«Вот снова. Ещё один. Опять...»

Шесть таких бугорков насчитал Лёнька при подходе к Горбову.

На улицах деревни Лёнька начал попрошайничать, как это делали попадавшие ему навстречу ребятишки. Многие приставали даже к проходившим мимо офицерам, приговаривая: «Пан офицер! Подайте на пропитание!..»

Офицеры направлялись кто в штаб, кто в казарму, кто к гаражам – сараям, около которых стояли машины.

В улочках на окраине Горбова Лёнька заметил траншеи, заграждения из колючей проволоки и... »Опять бугорки!!»

Возле массивных деревянных ворот на одной из улиц он увидел санитарную машину и солдат с носилками. «Вот где лекарства и бинты!..»

Пора возвращаться.

В партизанском лагере мальчик появился так же неожиданно и никем не замеченный, как и исчез из него, и сразу же направился к командирской землянке.

Адъютант командира Тимофей Докутович слушал мальчика внимательно, хотя по глазам Тимофея было ясно, что он здорово сердится на Лёньку за его самовольную «разведку».

Выслушав Лёньку, Докутович ещё раз всё уточнил, где доты, обещал обо всём рассказать командиру – «дяде Косте» и добавил:

– Предупреждаю тебя, боец Анкинович, если ещё раз самовольно уйдёшь из отряда, исключу из партизан!..

– Так я же... партизана ранило... разрывной пулей... так я хотел лекарств и бинтов... А дед Савелий всё про кисель: «Пей да пей!» Что я – девчонка...

– Ну, ладно-ладно!.. За разведку спасибо! Молодец! А теперь... к деду Савелию. И без разговоров! Надо будет, сам позову! Живо!!!

На другой день лесной лагерь опустел. Партизаны покинули его ещё ночью, чтобы перед рассветом ударить по гитлеровцам, засевшим в Горбове.

И ударили.

Даже в лесную глухомань, за много километров от Горбова, долетали звуки боя.

Лёнька, дед Савелий и все, кому приказано было находиться на базе, чувствовали, как жарко приходится партизанам.

С рассветом начали привозить раненых. Лёнька помогал врачу и санитарам: бегал за водой, поддерживал огонь в костре, где в котелке кипятился хирургический инструмент. И подбадривал тех, у кого ранения были особенно тяжёлые: «Партизаны за вас фашистам всыплют! Слышите, как бабахают!!»

Бой утих только к полудню.

Разгромив вражеский гарнизон, партизаны возвращались на свою базу. Тащили с собой трофейные пулемёты, автоматы, миномёты.

Лёнька радовался, рассматривая трофейное оружие, пока не увидел убитых в бою партизан. Их везли на трёх телегах, аккуратно накрыв каждого шинелями, телогрейками... Среди тех, с кем товарищи простились навсегда, был и адъютант командира отряда Тимофей Докутович...

Лёнька плакал, не стесняясь... Партизаны сопели в рукава телогреек, а дед Савелий приговаривал:

– Отомстите, сынки, за всех! Отомстите гадюкам фашистским...

После боевой операции партизан в Горбове Лёньку зачислили в партизанские разведчики, и он не раз получал боевые задания от самого командира, «дяди Кости».

В осенние месяцы 1942 года командира отряда больше всего беспокоили вражеские блокады: гитлеровцы не теряли надежды окружить и уничтожить партизан. Надо было всё время наблюдать за фашистами. А раз так – снаряжайся в дорогу и боец Анкинович. Смотри зорче, что делается вокруг!

Однажды, возвращаясь с очередного задания, Лёня на подходе к селу Кашино на опушке леса встретил двенадцать человек, подрывников из отряда. Пустив под откос вражеский эшелон, подрывники остановились ночью в деревне, в крестьянской баньке, у самого леса. Они просили Лёньку остаться с ними, подкрепиться, вздремнуть часок-другой, а потом – в путь-дорогу...

Лёньке нельзя было задерживаться: он торопился передать новые сведения, добытые им за три дня «скитаний». И, сказав партизанам «до свидания», юный разведчик зашагал своим путём: по мелколесью, через кустарник – вдоль проезжего большака.

Не пройдя и километра от Кашина, Лёня услышал шум моторов. Пробрался поближе к большаку и оторопел: прямо на него двигались немецкие грузовики! В кузовах сидели автоматчики. В другое время он бы затаился в своём укрытии. Но

сейчас надо было бежать назад в Кашино. Если не предупредить партизан, то они могут оказаться в ловушке.

...Лёнька летел к деревне напрямик – через березняк, по лугу. Показалась крыша бани. В это время за спиной мальчика раздались автоматные очереди – машина с солдатами выезжала на дорогу в сторону деревни. Гитлеровцы заметили бегущего мальчика и дали несколько очередей из автоматов по нему.

Когда Лёньке обожгло руку, он ещё продолжал бежать. Кричал на бегу: «Солдаты! Солдаты!» Чем-то тупым ударило в спину. Выкинув руку вперёд, он упал лицом в траву.

Что было потом, Лёня узнал из рассказов партизан-подрывников. Они услышали крик, выстрелы. Выбежали и увидели: гитлеровцы цепью двигались по лугу... Лежавшего в траве мальчика они не стали трогать: посчитали мёртвым.

Партизаны заманили вражеских солдат в лесную чащу и всех уничтожили, а потом нашли мальчика и принесли в лагерь. Он был тяжело ранен.

Пока мальчика лечили партизанские врачи, возле его койки, в землянке, перебивало много людей. Приходили, чтобы ободрить, справиться о его здоровье. Приносили подарки! Евгений Коржень, новый адъютант командира, вручил ему маленький трофейный браунинг. Уходя, Коржень шепнул Лёньке: «К правительственной награде тебя представили. К ордену! Понял!! Сам командир! Он скоро будет... Придёт на тебя посмотреть, познакомиться».

Когда в землянку вошёл, пригнувшись, высокий человек в военной форме, Лёня понял: пришёл «дядя Костя».

– Можно! Не спишь ещё, товарищ разведчик!

Лёнька приподнялся, несмело пролепетал:

– Я... ждал тебя, дядя... Костя.

– Ну, вот и хорошо, что ждал. Будем теперь лично знакомы. Поправляйся поскорей...

Лёнька тогда ещё не знал, что разговаривает он с Константином Сергеевичем Заслоновым, теперь уже командиром партизанской бригады. Полное имя «дяди Кости» мальчик слышал уже зимой, когда он совсем оправился после ранения. Тогда всех партизан Белоруссии облетела печальная весть: вражеская пуля сразила в бою товарища Заслонова, Константина Сергеевича...

Все, кто воевал в партизанской бригаде, созданной Заслоновым, называли себя «заслоновцами». Самым юным среди них был Лёня Анкинович, Леонид Леонович Анкинович, кавалер ордена Красной Звезды.

После войны Леонид Леонович учился в школе, стал работать. Вместе с оршанцами помогал восстанавливать Оршу, город, где началась его боевая деятельность, город, в котором он живёт и сейчас.

В этом городе похоронен Герой Советского Союза Константин Сергеевич Заслонов. На могилу его часто приходит рабочий Леонид Анкинович, стоит подолгу возле памятника своего командира, вспоминает товарищей по оружию, чтит память тех, кто отдал жизнь за Родину, кто помог завоевать победу над фашистской Германией.